

Прот. М. И. Буткевичъ,
Профессоръ Харьковскаго Университета.

РЕЛИГИОЗНЫЯ УБѢЖДЕНІЯ
ДЕКАБРИСТОВЪ.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія, Погров. пер. д. № 17.
1900.

Прот. М. И. Буткевичъ,

Профессоръ Харьковскаго Университета.

РЕЛИГИОЗНЫЯ УБѢЖДЕНІЯ

ДЕКАБРИСТОВЪ.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петров. пер. д. № 17.

1900.

Отдѣльные оттиски изъ журнала «Вѣра и Разумъ» за 1899 годъ.

090905

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	<i>Стр.</i>
Общее сужденіе о религіозныхъ убѣжденіяхъ де- кабристовъ	1—5
<i>В. К. Кюхельбеккеръ.</i> Браткія свѣдѣнія объ немъ	5—7
Стихотворенія В. К. Кюхельбеккера:	
I. Я есмь—конечно есть и ты!	8—9
II. Брату	9—10
III. Псаломъ 102.	10—13
IV. На Воскресеніе Христово	13—14
V. Псаломъ 143	14—17
VI. Молитва узника	17
VII. Молитва	18
VIII. Утренняя молитва	19—20
IX. Вечерняя молитва	20—22
X. Росники	22—23
XI. Благодать Господня	23—25
XII. Мое предназначенье.	25—26
XIII. Новый годъ	26—28
XIV. Въ день рожденія	28—30
XV. Въ концѣ недѣли	30—31
XVI. Терпѣніе	31—34
XVII. Надежда	34
XVIII. Поминки	34—36
XIX. Безсмертіе	37—39
XX. Блаженство	39—42

Характеръ стихотвореній В. К. Кюхельбекера	42—45
А. П. Одоевскій	45—51
Г. С. Батеньковъ	51—55
А. А. Бестужевъ	55—56

Стихотворенія Бестужева:

Утренняя пѣснь	56—58
Прокаженный	58—60
Н. П. Лореръ	60—62
Рылѣевъ	62—63

Стихотвореніе Рылѣева:

Посланіе къ женѣ	64
----------------------------	----

РЕЛИГИОЗНЫЯ УБѢЖДЕНІЯ ДЕКАБРИСТОВЪ.

Уже болѣе 70-ти лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ былъ открытъ заговоръ декабристовъ, угрожавшій спокойному развитію нашего отечества. За это время въ нашей литературѣ появилось много различнаго рода изслѣдованій, мемуаровъ, воспоминаній, писемъ и т. п., достаточно пролившихъ свѣта и на стремленія заговорщиковъ, и на ихъ личность, и на тѣ преступныя средства, которыми они хотѣли достигъ осуществленія своихъ затаенныхъ стремленій. Есть довольно обстоятельно написанныя біографіи многихъ выдающихся декабристовъ, въ которыхъ (біографіяхъ) особенно полно описывается ихъ жизнь въ крѣпостяхъ, казематахъ, рудникахъ и на Кавказѣ, гдѣ многіе служили простыми солдатами въ полкахъ. На одно только обстоятельство (а оно весьма важно и поучительно), повидимому, до сихъ не было обращено вниманія въ изслѣдованіяхъ о декабристахъ. Мы говоримъ о томъ религіозно-нравственномъ переворотѣ, который произошелъ въ душахъ если и не всѣхъ, то большинства заговорщиковъ послѣ 14-го декабря 1826 года во время ихъ заключенія въ крѣпостяхъ

и въ ихъ сибирской жизни. До злосчастныхъ декабрьскихъ событій заговорщики, какъ извѣстно, не отличались твердостію въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ; а объ ихъ преданности Православной Церкви, конечно, и говорить нечего. Они жили атеистическими идеями тогдашней Франціи; легкомысленно относились къ христіанству; религію считали дѣломъ невѣжества и умственной косности; а Православную Церковь, которая будто бы освящала крѣпостничество, они просто ненавидѣли,—и борьбу съ нею, до совершеннаго уничтоженія ея, даже ставили своею цѣлію наравнѣ съ борьбою противуправительственною. Извѣстна революціонная пѣсня, сочиненная Рылѣевымъ, которую обязательно пѣли заговорщики въ концѣ каждаго изъ своихъ засѣданій и въ которой предназначался „первый ножъ—на бояръ, на вельможъ, второй ножъ—на поповъ, на святошъ“. Но совершенно иными по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ представляются декабристы послѣ ихъ осужденія, когда они несли свое наказаніе. Одиочныя заключенія и тяжелыя работы въ каторгѣ заставили ихъ серьезнѣе взглянуть на жизнь и провѣрить тѣ легкомысленныя мнимо-философскія ученія запада, которыми прежде они такъ неразумно увлекались. И они познали свои заблужденія. Они увидѣли ту пропасть, до которой они дошли и въ которую они такъ необдуманно бросились. Они опытно убѣдились, что безъ вѣры въ живого и личнаго Бога жизнь человѣческая теряетъ всякій разумъ.

ный смысл и дѣйствительно становится „пустою и глупою шуткой“; а возвративъ себѣ вѣру въ Бога, они только въ религiи и молитвѣ находили для себя истинное утѣшенiе и только въ нихъ черпали новыя силы для перенесенiя своихъ скорбей и страданiй. Такое свидѣтельство о декабристахъ мы слышали изъ устъ самаго декабриста—Трубецкаго, который въ 60-хъ годахъ проживалъ въ некоторое время вблизи Харькова въ с. Большой Рогозянкѣ, въ имѣнiи своихъ родственниковъ Трубецкихъ (нынѣ Фонъ-дербъ-Лаунца). Это былъ высокiй и худой старикъ, убѣленный сѣдинами и носившiй длинные, до плечъ спускавшiеся волосы. Онъ былъ человѣкъ глубоко религiозный и искренно преданный Православной Церкви. Онъ не пропускалъ ни одного богослуженiя въ своемъ сельскомъ храмѣ; становился всегда на клиросѣ, читалъ часы и посреди церкви—апостоль. По его словамъ, всѣ декабристы, сосланные въ Сибирь на каторжныя работы, отличались такою же искреннею религiозностiю и на одномъ изъ рудниковъ, именно на могилѣ кп. Трубецкой, собственноручно выстроили себѣ церковь. „Каторга для насъ, говорилъ онъ, была вторымъ крещенiемъ, обратившимъ насъ въ христіанство; а ученiе Христа облегчало наши страданiя; мы научились отъ него безропотно терпѣть“...

Какъ извѣстно, среди декабристовъ было много лицъ, одаренныхъ истинно-поэтическими талантами; таковы напр., С. И. Муравьевъ-Апостоль, А. А.

Бестужевъ, В. К. Кюхельбекеръ, Рылѣевъ, Н. И. Лореръ, Г. С. Батеньковъ, князь Одоевскій и др. Въ одиночномъ заключеніи и сибирскихъ казематахъ они перѣдко изливали свои чувства въ стихотвореніяхъ. По этимъ стихотвореніямъ мы также можемъ судить о томъ глубокомъ религіозно-правственномъ переломѣ, который испытали декабристы послѣ своего осужденія. Въ сожалѣнію, русское общество слишкомъ мало знаетъ объ этихъ высоко-художественныхъ поэтическихъ произведеніяхъ. Наша либеральная печать не считала нужнымъ помѣщать на своихъ страницахъ эти произведенія по причинѣ ихъ религіознаго характера; благонамѣренные органы печати также не давали имъ мѣста у себя, какъ потому, что это были стихотворенія *декабристовъ* (даже сочиненія А. Бестужева могли быть печатаемы только подъ псевдонимомъ *Марлинскаго*), такъ и потому, что онѣ носятъ на себѣ не свѣтскій, а духовный характеръ; духовные же журналы вообще не имѣли обычая печатать какія бы то ни было стихотворенія. Вотъ почему и до сихъ поръ эти стихотворенія декабристовъ ходятъ по рукамъ лишь въ рукописныхъ сборникахъ. Въ печати они попадаютъ только въ заграничныхъ изданіяхъ, на примѣръ, въ „Русской Потаенной Литературѣ XIX столѣтія“ (Лондонское изданіе 60-хъ годовъ), въ *Bibliothek russischer Autoren*, именно въ „Собраніи стихотвореній декабристовъ“ (Лейпцигское изданіе 1863 г.) и въ заграничныхъ

изданіяхъ сочиненій декабристовъ вообще, гдѣ онѣ помѣщаются иногда на ряду съ юношескими грѣхами авторовъ и чрезъ то также не могутъ быть доступными русской читающей публикѣ.

Мы не имѣемъ въ виду знакомить читателей со всѣми произведеніями декабристовъ, которыя ясно говорятъ о глубокой религіозности ихъ авторовъ. Для этого мы не располагаемъ въ настоящей разѣ достаточными средствами. Мы ограничимся поэтическими произведеніями только тѣхъ лицъ, которыя названы нами выше.

I.

Особеннаго вниманія заслуживаютъ поэтическія произведенія В. К. *Кюхельбекера*. Кюхельбекеръ, какъ извѣстно, по лицею былъ товарищемъ Пушкина, Дельвига, Горчакова, Корфа и др. Въ лицеѣ онъ учился хорошо, но отличался безмѣрнымъ тщеславіемъ, необузданнымъ воображеніемъ, крайнею перевозностию и раздражительною. По окончаніи курса въ лицеѣ, онъ былъ опредѣленъ учителемъ въ одну изъ петербургскихъ гимназій; но должность учителя была не по его характеру. Скоро онъ бросилъ учительство и уѣхалъ въ Парижъ. Тамъ Кюхельбекеръ сдружился со многими либеральными писателями. Чтобы не упасть въ глазахъ своихъ новыхъ наставниковъ, онъ объявилъ себя не только крайнимъ либераломъ, но и атеистомъ, непримиримымъ врагомъ

христіанской церкви вообще. Въ 1820 г. онъ въ такомъ духѣ прочелъ въ Атенеѣ даже публичную лекцію, при-
 остановленную по требованію русскаго посольства, но за то доставившую лектору громкую извѣстность не только въ Россіи среди тогдашнихъ либераловъ, но и за границей. Возвратившись изъ Парижа въ Россію, Кюхельбекеръ поселился въ Москвѣ и вмѣстѣ съ княземъ Одоевскимъ сталъ издавать журналъ „Мнемозину“, участвуя въ то же время и въ разныхъ изданіяхъ петербургскихъ—„Амфіонъ“, „Сынъ Отечества“, „Благонамѣренномъ“, „Соревнователѣ Провѣщенія“, „Невскомъ Зрителѣ“ и др. Послѣ 14-го декабря 1826 года Кюхельбекеръ хотѣлъ убѣжать изъ Россіи, но былъ пойманъ въ Прагѣ (предмѣстье Варшавы) и приговоренъ къ смертной казни, но, по ходатайству великаго князя Михаила Павловича, въ котораго именно онъ и стрѣлялъ на сенатской площади, смертная казнь была замѣнена ему каторжными работами на 20 лѣтъ. Кюхельбекеръ это время много писалъ и оставилъ послѣ себя цѣлый сундукъ рукописей. Умирая онъ сказалъ женѣ: Это—мое состояніе; сохрани его для дѣтей“.

Легкомысленный и вѣтряный до каторги, въ каторгѣ Кюхельбекеръ становится серьезнымъ и глубокорелигіознымъ. По своему вѣроисповѣданію онъ былъ лютеранинъ; но послѣ ссылки, женившись на дочери православнаго священника и проживая въ

Смоленской слободѣ курганскаго уѣзда тобольской губерніи, онъ искренно полюбилъ православную церковь и до самой смерти своей (14-го августа 1846 года) неопустительно посѣщаль православныя богослуженія.

Еще въ 60-хъ годахъ даже среди учениковъ духовныхъ училищъ ходилъ по рукамъ и былъ усердно переписываемъ рукописный сборникъ стихотвореній В. К. Кюхельбекера, носившій названіе „Пѣсни отшельника“. Въ немъ было 138 стихотвореній, расположенныхъ по нумерамъ. Но мы не знаемъ, чтобы этотъ сборникъ былъ когда либо напечатанъ. Только въ Лейпцигѣ въ 1863 году въ „Собраніи стихотвореній декабристовъ“ изъ этого сборника было помѣщено 48 стихотвореній; а остальные 90 не заслужили вниманія заграничнаго издателя и именно—за свой религіозный характеръ. (Срв. *Bibliothek russischer Autoren*. 1863. II стр. VII).

Любимыми темами для Кюхельбекера во время его 20-лѣтняго пребыванія въ Сибири служили: живая вѣра въ Бога, религіозный восторгъ, взглядъ на земную жизнь, какъ на время подвиговъ и борьбы со скорбями, и, наконецъ, загробная жизнь, какъ послѣдняя цѣль всѣхъ разумныхъ стремленій человѣка. Въ такомъ порядкѣ и мы намѣрены расположить выдающіяся стихотворенія В. К. Кюхельбекера. Вотъ онѣ.

I.

Я есмь—конечно есть и ты! ¹⁾.

Онъ есть!—умолкни лепетанье
Холодныхъ, дерзностныхъ слѣпцовъ!
Онъ есть! я рукъ Его созданье;
Онъ царь и Богъ своихъ міровъ.

Въ Немъ жизнь, и свѣтъ, и совершенство;
Благоговѣть предъ Нимъ—блаженство:
Блаженство называть Творца
Священнымъ именемъ Отца.

„Не рвися думой за могилу!
„Дѣла, дѣла—вотъ твой удѣлъ!
„Опрись на собственную силу;
„Будь твердъ, и доблестенъ, и смѣлъ!
„Увѣренъ ты въ себѣ единомъ—
„Такъ изъ себя все почерпай:
„И міра будешь властелиномъ,
„И обрѣтешь въ себѣ свой рай“!

Денницы падшаго ученье,
Сліянье истины и лжи!
Мудрецъ! я есмь въ сіе мгновенье,
А былъ ли прежде? мнѣ скажи?
Теперь я мыслю—а давно ли?
И сталъ я отъ своей ли воли?
И какъ изъ нѣдръ небытія
Вдругъ просіяло это „я“?
Владѣй страстями, брось лицемѣрье!
Повѣдай: радость и печаль,
Любовь и гнѣвъ, высокомѣрье,

¹⁾ Въ рукописномъ сборникѣ это стихотвореніе помѣщено подъ № 10.

И страхъ, и зависть ты всегда ль
 Смирялъ успѣнно? крови пламень
 Тушилъ всегда ли? Я не камень:
 Бываю выше суеты,
 Но помощію съ высоты.

Пусть умъ не постигаетъ Бога—

Что нужды?—вижу я Его:

Тамъ среди звѣзднаго чертога,

Здѣсь въ глубн сердца моего

И въ чудесахъ моей судьбины.

Такъ буду жить я безъ кончины.

Неразрушимымъ бытіемъ

Могучимъ, вѣчнымъ—но о Немъ!

Онъ недоступенъ для гордыни,

Онъ тайна для очей ума;

Блеснуть былъ долженъ лучъ святости,

Чтобы расторглась наша тьма...

И се блеснулъ!—Я вѣсти внемлю:

Всевышній самъ сошелъ на землю—

Отецъ духовъ, Владыка силъ,

Богъ въ Сынѣ намъ Себя явилъ.

II.

Б р а т у.

(Въ сборникѣ подъ № 13).

Повсюду вижу Бога моего!

Онъ чадъ Своихъ отецъ—и не покинетъ,

Нѣтъ, не отвергнетъ никогда того,

Въ комъ вѣра въ Милосердаго не стынетъ.

Господь, мой Богъ—на сушѣ, на водахъ,

И въ шумномъ множествѣ, въ мірскомъ волненіи,
 И въ хижинѣ, и въ пышныхъ теремахъ,
 И въ пристани души—въ уединеніи...

Нѣтъ мѣста, коего лучемъ Своимъ
 Не озарялъ бы Онъ, повсюду сущій;
 Нѣтъ мрака, нѣтъ затмѣнья передъ Нимъ:
 Всѣмъ близокъ Благостный и Всемогуцій!

Онъ близокъ: я уже Его узналъ
 И здѣсь, въ глухихъ стѣнахъ моей темницы;
 И здѣсь, среди сѣдыхъ, угрюмыхъ скалъ,
 Меня покрыла сѣнь Его десницы.

Онъ близокъ!—близокъ и тебѣ, мой другъ!
 Къ Нему лети на крыльяхъ упованья...
 Его услышишь въ самомъ стонѣ вьюгъ
 И узришь въ льдинахъ твоего изгнанья!

III.

Псаломъ 102.

(Въ сборникѣ подъ № 33).

Благослови, благослови,
 Душа моя, Отца любви!
 Все, что во мнѣ живетъ и дышитъ,
 Да хвалитъ Бога моего,
 И славу имени Его
 Вселенна да услышитъ!
 Огонь священный, влейся въ грудь!
 Душа моя, не позабудь
 Несмѣтныхъ Божіихъ даяній!
 Съ тебя смываетъ всякій грѣхъ
 Господь, Податель всѣхъ утѣхъ,
 Цѣлитель всѣхъ страданій.

Онъ—Богъ твой: не погаснешь ты
 И средь могильной темноты!
 Щедротами тебя вѣнчая,
 Онъ всѣ твои желанья зреть;
 Во благо, вѣрь, ихъ совершитъ
 Его рука святая.

И какъ возносится орель,
 Который въ небо путь нашель,
 И пьеть изъ солнца жизнь и радость—
 И ты такъ въ небо воспаришь
 И силой Бога обновишь
 Неблекнущую младость.

Когда и кто постичь возмогъ,
 Сколь милостивъ Господь, мой Богъ,
 Сколь благъ и дивенъ Вседержитель?
 Бездонный океанъ щедротъ
 Бесильныхъ, горестныхъ сиротъ,
 Гонимыхъ Онъ хранитель.

Неизреченно благъ мой Богъ!
 Господней благости залогъ,
 Законъ, ниспосланный любовью,
 Законъ святой, источникъ силъ,
 Который Божій Сынъ скрѣпилъ
 Своей чистѣйшей кровью.

Благій свисходить долго намъ:
 Намъ воздаетъ не по дѣламъ,
 Но по винѣ насъ наказуетъ;
 Не держитъ гнѣва до конца:
 Да взыщешь Божія лица—
 И Богъ ужъ не враждуетъ!

Нѣтъ мѣры и предѣла нѣтъ
 Эвру, коимъ міръ одѣтъ:

Такъ милосердію нѣтъ мѣры,
 Которымъ всюду, всякій часъ
 Всевышній окружаетъ насъ...

Къ Нему ли быть безъ вѣры?

Надежду на Него взложи;
 Отстань отъ суеты и лжи,
 Отъ беззаконья и порока...
 И скорби, что тебя тягчатъ—
 Имъ удалятся, какъ закатъ
 Отдвинуть отъ востока.

Какъ любящій дѣтей отецъ,
 Такъ смертныхъ милуетъ Творецъ.
 Онъ знаетъ васъ, Онъ помнитъ—кто мы:
 Не пепель ли, не прахъ ли мы?
 Не всѣ ли въ ночь могильной тьмы
 Съ рожденія влекомы?

Травѣ подобится нашъ вѣкъ,
 Какъ цвѣтъ—такъ вянетъ человѣкъ:
 Седня—живъ, завтра—въ гробѣ;
 Исчезли всѣ его труды—
 Онъ былъ ли? нѣтъ уже нужды
 Ни дружеству, ни злобѣ,

Могилы сыпъ, не унывай!
 Твой путь земной не путь ли въ рай?
 Живеть Его любовь святая
 Изъ вѣка въ вѣкъ и безъ конца;
 Къ творенію любовь Творца
 Живеть, не умирая.

Господни милость и покровъ
 Пребудутъ на сынахъ сыновъ
 Тѣхъ, коимъ свята власть Господня:

Не небеса ль Его престоль?
 И не Ему ль подвластны доль,
 И твердь, и преисподня?

Создатель Онъ и царь всего...
 Хвалите Бога своего,
 Того, Кому, вы предстоите,
 Могучій сонмъ Его пословъ!
 Полки Его святыхъ рабовъ,
 Царя благословите!

Вы гласу внемлете Его:
 Да славословите Того,
 Чьи совершаете велѣнья;
 Вы, тьмы и тьмы духовъ и силъ,
 Вы, рати солнцевъ и свѣтилъ,
 Вы—рукъ Его творенья!

Міры и звѣзды, пѣснь Ему!
 Псаломъ Владыкѣ своему!
 Да будетъ вся Его держава!
 Благослови, благослови,
 Душа моя, Отца любви!
 Ему во вѣки слава!

IV.

На Воскресеніе Христово.

(Въ сборникѣ подь № 53).

Душа моя, ликуй и пой,
 Наслѣдница небесъ:
 Христось воскресъ, Спаситель твой
 Воистину воскресъ!

Такъ! адъ предъ Сильнымъ изнемогъ:
 Изъ гробовыхъ веригъ,
 Изъ ночи смерти Сына Богъ
 И съ Нимъ тебя воздвигъ.

Изъ свѣта вѣчнаго Господь
 Сошелъ въ жилище тьмы;
 Облекся въ персть, одѣлся въ плоть,
 Да не погибнемъ мы!

Неизреченная любовь,
 Всѣхъ таинствъ высшота
 За насъ Свою святую кровь
 Онъ проліялъ съ креста.

Чистѣйшей кровію Своей
 Насъ, падшихъ, искупилъ
 Отъ мукъ и гроба, изъ сѣтей
 И власти темныхъ силъ.

Христось воскресъ, Спаситель мой
 Воистину воскресъ!
 Ликуй, душа: Онъ предъ тобой
 Раскрылъ врата небесъ...

V.

Псаломъ 143.

(Въ сборникѣ подъ № 103).

Господь мою десницу брани,
 И мышцы битвамъ научилъ;

Къ Нему воздвигну гласъ и длани:
Благословенъ Податель силъ!

Благословенъ мой Избавитель,
Крушитель броней и забралъ,
Помощникъ мой и Защититель,
Богъ—на Него жь я уповалъ!

Что человекъ, о Всемогущій?
А на него зриаешь Ты
Изъ свѣтлой, неприступной кущи,
Съ небесной тайной высоты!

Ночному мы равны призраку,
Ищельцу изъ жилища тьмы.
Весеннему подобны злаку,
Травы скорѣе вянемъ мы.

Всевышній небо преклоняетъ
И—въ буряхъ, молніяхъ и мглѣ—
Средь облакъ путь Свой направляетъ
Къ обятаой трепетомъ землѣ.

Онъ гнѣвные преклонить взоры—
И бездны стонуть и ревуть,
Колышутся волнами горы,
Утесы и холмы бѣгутъ.

Простеръ святую съ неба руку—
Исторгъ меня изъ шумныхъ водъ,
Послалъ на грѣшныхъ скорбь и муку,
Сразилъ, развѣялъ злобный родъ!

Ковали хищники крамолы;
Десница лжи—десница ихъ,
Въ устахъ ихъ тщетные глаголы;
Исчезли въ замыслахъ своихъ...

Прославлю на златой псалтирѣ
 Защиту Бога моего:
 Пою на брани, въ сладкомъ мирѣ,
 Пою, ликующій, Его,

Его, дающаго спасенье
 И честь, и торжество царю!
 Къ Тебѣ, Давида заступленье,
 Мой Господи, къ Тебѣ парю!

Отъ гладнаго меча, Владыка,
 Ты Твоего раба хранилъ;
 Каратель чуждаго языка,
 Ихъ гонишь духомъ бурныхъ крыль.

Ихъ зрѣлъ я: юная дубрава,
 Воздвиглись мощные сыны;
 Одежда дочерей—блескъ и слава,
 Въ красу, какъ храмъ, облечены.

Питаются роскошной паствой
 Ихъ многоплодныя стада;
 Трапезы клонятся подъ яствой;
 За ихъ виномъ молчить вражда;

Молчить мятежь и своеволие,
 Оковать дерзостный разбой;
 Ихъ нѣжить тучное довольство,
 Труды ихъ золотитъ покой.

Грядутъ—и очи къ нимъ подъемлютъ
 Пришельцы изъ земель чужихъ;
 Восторженнымъ ихъ пѣснямъ внемлютъ
 И ублажаютъ долю ихъ!

Но блага грѣшниковъ мгновенны:
 Подунетъ вѣтеръ—гибнетъ плоть!

Сыны же Израиля блаженны:
Хранитель нашъ и Богъ—Господь!

VI.

М о л и т в а у з н и к а .

(Въ сборникѣ подь № 117).

Руку прости надъ *моею темницею*,
Господи! сирую душу мою
Ты осѣни милосердой десницей!
Господи, Боже, къ Тебѣ вопію!

Нѣтъ! Своего не погубишь созданья!
Скорбныхъ ли чадъ не услышитъ Отець?
Зри мои слезы, сочти воздыханья,
Вѣры моей не отвергни, Творецъ!

Мнѣ не избавиться смертныхъ рукою:
Другъ мой и ближній мнѣ гибель изрекъ...
Такъ! я спасуся единымъ Тобой!
Господи! Что предъ Тобой челоуѣкъ?

Боже мой! *тяжки мои преступленья!*
Мѣрила нѣтъ моимъ тяжкимъ дѣламъ...
О, да воскресну изъ узъ заточенья
Чистъ и угоденъ Господнимъ очамъ!

Будь для меня исцѣляющей чашей,
Чашей спасенья, мой горестный плѣнь!
Слезы!—омоюся купелію вашей:
Новъ я изыду изъ сумрачныхъ стѣнъ—

Новъ и для жизни, Ему посвященной...
Онъ мой Спаситель, Защитникъ и Богъ
Съ неба внимаетъ молитвѣ смиренной:
Милостивъ Онъ, Онъ отечески строгъ!

VII.

Молитва.

(Въ сборникѣ подѣ № 116).

Прибѣгну къ Господу съ мольбою,
Небеснаго взыщу Отца:
Не дай мнѣ, Боже, пасть душою,
Но да крѣплюся до ковца!

*Ты знаешь испытаній мѣру,
Что мнѣ во благо, знаешь Ты:
Пролей живительную вѣру
Въ меня съ надзвѣздной высоты.*

Душа моя не есть ли поле
Иссохшее въ тяжелый зной?
О Боже! Боже мой! доколѣ
Отринуть буду я Тобой?

Не презри Твоего созданья;
Твое творенье я, Творецъ!
Нечистыя мои мечтанья,
Сорви, исторгни, какъ волчець!

*Низвергни въ море преступленья,
Грѣхъ буйной юности моей!*
Даруй мнѣ тихія моленья!
Очисти взоръ моихъ очей!

Да устремлю туда желанья,
Гдѣ ужаса и скорби нѣтъ,
Гдѣ блескомъ вѣчнаго сіянья
Господень вертоградъ одѣтъ!

VIII.

Утренняя молитва.

(Въ сборникѣ подѣ № 34)

Отецъ—Хранитель, Боже мой!
 Подѣ сѣнью Твоего покова
 Я сладостный вкушалъ покой—
 И вотъ открылъ я вѣжды снова!

Ты создалъ свѣтъ златого дня,
 Ты создалъ мракъ отрадной ночи—
 И день и ночь блюдутъ меня
 Твои недремлющія очи.

Благій! воздать могу ли я
 Твоей любви неизреченной?
 Неприметь жертвы длань твоя;
 Ты требуешь души смиренной:

Души, боящейся грѣховъ,
 И чистой, и прямой, и вѣрной,
 И любящей Твоихъ сыновъ
 Любовію нелицемѣрной.

О, милосердый мой Отецъ!
 Я отъ Тебя ли что сокрою?
 Ты проникаешь тьму сердець,
 Ихъ дно раскрыто предѣ Тобою.

Я падалъ, падаю сто кратъ...
 Но, въ милостяхъ неистощимый,
 Ты зришь: я скорбію объять,
 Терзаюсь я, грѣхомъ тягчимый.

Безъ помощи Твоей что я?
 Ты вѣдаешь мое безсилъе;

Но гдѣ безсильна жизнь моя,
Тамъ мощно силъ Твоихъ обиле.

О, Боже! духъ мой обнови
И сердце мнѣ создай пное;
Надежды, вѣры и любви
Да свѣтитъ солнце мнѣ святое!

Ты склонишься къ мольбѣ моей:
Христовой кровью омовенный,
И я въ числѣ Твоихъ дѣтей,
Небесъ наслѣдникъ обреченный.

Сей день, мнѣ посланный Тобой,
Да будетъ мнѣ къ Тебѣ ступенью!
Да будетъ на стезѣ земной
Мнѣ шагомъ къ горнему селеню!

IX.

Вечерняя молитва

(Въ сборникѣ подь № 35).

Погаснулъ день: склонился міръ къ покою;
Открыли небеса
Въ безчисленныхъ свѣтилахъ надо мною
Господни чудеса.

Съ обзора солнце свелъ и въ твердь ночную
Возводитъ Богъ луну,
И шумъ прервать и суету земную
Повелѣваетъ сну.

Онъ предписалъ успокоеню время
И срокъ дневнымъ трудамъ:

Сложу жъ и я съ рамень усталыхъ бремя
И членамъ отдыхъ дамъ.

Но на отрадномъ не проструся ложѣ,
Доколѣ предъ Тобой
Не взыйдетъ гласъ моихъ хваленій, Боже,
Господь и Пѣстунъ мой!

Съ одра возставъ, возвалъ я,—и моленью
Ты внялъ, Владыко силъ!
И подъ Твоею благодатной сѣнью
Я день сей совершилъ.

Отецъ! Твои щедроты кто исчислить?
Кто взвѣситъ ихъ возмогъ?
Тебѣ воздать никто да не помыслить,
Благій безъ мѣры Богъ!

Душѣ и тѣлу Ты готовишь яству;
Ты съ нами каждый часъ;
Какъ вѣрный пастырь охраняетъ паству,
Такъ охраняешь насъ.

Ты дѣлу нашихъ рукъ успѣхъ даруешь,
Ты, преклонясь къ слезамъ,
И нашъ недугъ, и нашу скорбь врачуешь,
И плешь отраду намъ.

Внемли жъ моимъ вздыханіямъ сердечнымъ,
Мольбамъ моей души:
Всѣхъ большее къ даян्याмъ безконечнымъ,
Творецъ мой, приложи!

Омой купелію Христовой крови
Меня отъ всѣхъ грѣховъ,

И на пути къ Тебѣ, Отецъ любви,
Будь вождь мой и покровъ!

Я всё свои заботы и печали
Возвергну на Тебя:
Мнѣ въ благо ихъ Твои же руки дали;
Что жъ мнѣ крушить себя?

Потокъ отраднѣйшій вѣры и надежды
Ты въ перси мнѣ пролей, —
И я безъ трепета закрою вѣжды
До утреннихъ лучей.

Не только для меня—Ты будь защитой
Всѣхъ драгоценныхъ мнѣ:
Пусть Твой народъ, рукой Твоей прикрытый,
Почіетъ въ тишинѣ!

Когда же блеску солнца ранній пѣтель
Провозгласитъ привѣтъ,
Да вспрянетъ духъ мой, радостень и свѣтель,
И бодръ и въ мощь одѣтъ!

Ты будешь первой мыслию моею
И я, отвергнувъ страхъ,
Воздвигнусь—и съ Тобой, мой Богъ, успѣю
Во всѣхъ своихъ трудахъ.

X.

Р о с и н к и.

(Въ сборникѣ № 25).

• • • • •
Благостный, Вѣчный,

Дивный,—не въ шумѣ,
 Богъ не въ грозѣ:
 Нѣтъ,—въ тихой думѣ,
 Въ глубѣ сердечной,
 Въ теплой слезѣ,
 Въ скорби незлобной,
 Въ дѣвѣ подобной
 Чистой росѣ!

ХІ.

Благодать Господня.

(Въ сборникѣ № 32).

Хвала и слава будь тебѣ,
 Владыко, Боже мой!
 Ты пекся о моей судьбѣ,
 Ты былъ всегда со мной!

Къ Тебѣ взывалъ ли въ страхѣ я—
 Не тщетенъ былъ мой зовъ:
 Благій! Премудрый! длань Твоя—
 Мой щитъ и мой покровъ.
 На *одръ скорбей* я палъ, стена:
 „Спаси!“ я такъ молилъ...
Ты спасъ, Ты исцѣлилъ меня:
 Хвала, Источникъ силъ!

Врагомъ бывалъ ли оскорбленъ,
 Восплачусь предъ Тобой:
 Ты дашь терпѣнье—врагъ прощень,—
 И въ сердцѣ вновь покой.

Блуждаю ли въ своемъ пути,
 Призраками прельщенъ,

Промолвлю: „путь мой освѣти,“
Гляжу—и освѣщенъ.

Скорблю,—нигдѣ отрады нѣтъ:
„Ахъ! долго ль?“ вопію,
И утѣшенье Твой отвѣтъ
На жалобу мою.

Ты—Богъ благій, ты—щедрый Богъ,
Отецъ того, кто сиръ;
Въ нуждѣ, въ соблазнахъ мнѣ помогъ;
Ты шлешь мнѣ мощь и миръ.

Хвала! и горе—Твой посолъ:
Сближаюсь имъ съ Тобой,
Въ немъ слышу Твой живой глаголь;
Хвала, Наставникъ мой!

Земля и твердь и поле волнѣ—
Твоей любви храмъ;
Твоихъ даровъ не мѣрь ли полнѣ?
Хвала! Ты далъ ихъ намъ.

Хвала, хвала за кровь Того,
Кто грѣшныхъ смертью спасъ!
Нашъ Богъ и Сына Своего
Не пожалѣлъ для насъ.

О, сколь Господь насъ возлюбилъ!
Издай же пѣсни, грудь!
Органомъ славы Богу силъ,
Народъ Господень, будь!

Онъ преклоняетъ слухъ на стонъ,
Речетъ—и стона нѣтъ!

Насъ по искусѣ краткомъ онъ
Восхитить въ вѣчный свѣтъ.

Мой духъ, на милость уповай,
Которой нѣтъ конца;
Сколь благъ твой Богъ, не забывай
И чти законъ Отца.

XII.

предназначенье.

(Въ сборникѣ № 41).

.
Ты отдаленъ отъ суеты,
Отрѣзанъ ты отъ преткновеній.
Жалѣешь о наукахъ ты?
Но, полный и теперь сомнѣній,
Скажи: что было бы съ тобой,
Когда бы легкою душой
Ты лесся по порогамъ преній,
Раздравшихъ нынѣ быть людскою?
Непостояненъ ликъ науки,
Какъ ликъ измѣнчивой луны;
Но изъ сердечной глубины
Текутъ одни и тѣ же звуки
И вторятся изъ вѣка въ вѣкъ.
Ихъ слышитъ, какъ сквозь сонъ мятежный,
Дрожить и млѣть человѣкъ,
И рвется въ оный край безбрежный,
Гдѣ все покорно красотѣ,
Гдѣ правда, свѣтъ и совершенство.

Да разгадаешь звуки тѣ!
 Вотъ долгъ твой, вотъ твое блаженство!
 Богъ—Богъ безмолвія и думъ:
И здѣсь, идѣ умерзъ міра шумъ,
Гдѣ окруженъ ты тишиною,
 Не Овъ ли предѣ твоей душою
 Стоитъ, Отецъ Своихъ дѣтей?
 Какъ горный токъ, падащій въ доли,
 Такъ въ сердце братій, въ грудь друзей
 Излей могучіе глаголы
 О Немъ, предвѣчномъ, трисвятомъ.
 Да совершишь предназначенье—
 И по трудѣ въ успокоенье
 Онъ призоветъ тебя въ Свой домъ.

ХІІІ.

НОВЫЙ ГОДЪ.

(Въ сборникѣ № 47).

Господи! прибѣжище былъ еси намъ въ родъ и родъ!
 Пс. 89.

Какъ въ непрерывномъ токѣ водъ
 Струи несутся за струями,
 Такъ убѣгаютъ дни за днями,
 За годомъ улетаетъ годъ...

И вотъ еще одинъ протекъ!
 Онъ скрылся, какъ мечта ночная,
 Которую, съ одра вставая,
 Позабываетъ человѣкъ;

И какъ въ пустой, глухой дали
 Безъ слѣда умираютъ звуки,

Такъ радости его и муки
Всѣ будто не были, прошли.

Прошли онѣ; пройдутъ и тѣ,
Которыя судьба Господня
Заутра намъ или сегодня
Въ святой готовить темнотѣ.

Не предъ завѣсой ли стою?
Я живъ и здоровъ; но что за нею?
Черезъ день, черезъ годъ, быть можетъ, тлѣю...
И вѣтръ развѣветъ персть мою.

Не то ли мы, что вешній цвѣтъ?
Мы жизнь приедемъ на мгновенье;
Насъ видитъ солнца восхожденье;
Луна восходитъ—и насъ нѣтъ!

Сыны грѣха и суеты!
Нашъ вѣкъ не нить ли паутины?
Безъ измѣненія Единый,
О Вѣчный! пребываешь Ты.

Ты былъ и до сложенья горъ,
И до созданія вселенной;
Ты былъ, когда зарей червленной
Не просіялъ еще обзоръ.

Какъ съ вѣтви листь, такъ съ оси мѣръ
Сорветъ стихій мятежныхъ сила;
Проглотитъ жадная могила,
Какъ каплю, землю, твердь, эфиръ;

И будто платъ сошьешь тогда
Шатеръ безмѣрный, многозвѣздный;
Но Самъ надъ безпредѣльной бездной
Пробудешь, какъ Ты былъ всегда.

Предъ Богомъ тысяча вѣковъ
 Не больше срока часового,
 Что среди сумрака вѣмаго
 Стоитъ на стражѣ у шатровъ.

И что-же? каждый день и часъ
 Непостижимый Вседержитель,
 Защитникъ нашъ, Покровъ, Спаситель,
 блюдетъ, и зреть, и слышитъ насъ.

О дивный въ благости Своей!
 О милостью повсюду сущій!
 Будь близокъ намъ и въ день грядущій!
 Отецъ, храни Своихъ дѣтей!

Все, молча, примемъ, что бы намъ
 Судьбы Твои ни даровали:
 Твое жъ посланье—и печали;
 Ты жизни силу далъ слезамъ.

Избавь насъ только отъ грѣховъ,
 Излей намъ въ перси духъ смиренья—
 И громкимъ гласомъ пѣснопѣнья
 Тебя прославимъ, Богъ боговъ!

XIV.

Въ день рожденія.

(Въ сборникѣ подь № 48).

Вотъ день, въ который для надежды,
 Желаній, страха и скорбей,
 Для чувствъ и думъ открылъ я вѣжды,
 Для испытаній жизни сей;
 Вотъ день, въ который я впервые
 Отверзъ уста свои и ѣмъ...

Ахъ! свѣту плачь былъ мой привѣтъ
Въ тотъ день, когда узрѣлъ я свѣтъ!

И много, много мнѣ печали
Наставшіе часы и дни,
Страданья много даровали—
И темны впереди они!
Но Богъ—отецъ чадолюбивый:
Мнѣ день и не одинъ счастливый
Былъ посланъ Имъ: благословенъ
Да будетъ Онъ, Господь временъ!

Пріялъ я отъ Него благое;
И злаго я ли не приму?
Мое желаніе слѣпое
Что можетъ предписать Ему?
Онъ знаетъ пору ведра, грозы,
Веселье, горе, смѣхъ и слезы,
Его святой и дивный рокъ
Даетъ вселенной въ должный срокъ.

Сгоняютъ жаръ и мглу съ лазури
И возрождаютъ вновь ээиръ
Всевышнимъ посланныя бури;
Отъ нихъ юнѣтъ дряхлый міръ:
И какъ онѣ моря и сушу,
Такъ точно бури жизни душу
Подъемлютъ съ гибельнаго сна—
И обновляется она.

Мой путь не путь ли къ совершенству?
И такъ впередъ съ сего же дня
Безъ страха къ вѣчному блаженству!

Впередъ: мой Богъ ведетъ меня!
 Ведетъ изъ края искупленья
 Въ священный край успокоенья,—
 Туда, въ страну своихъ духовъ,
 Гдѣ буду чистъ и безъ грѣховъ.

XV.

В ъ к о н ц ѣ н е д ѣ л и .

(Въ сборникѣ подѣ № 36).

Летятъ! возврата нѣтъ часамъ,
 Назначеннымъ отъ Бога намъ:
 За ночью день, за мракомъ свѣтъ—
 И вотъ уже недѣли нѣтъ.

Хранитель благостный! хвала
 За всѣ любви Твоей дѣла,
 Хвала за тьму щедротъ Твоихъ!
 Когда и гдѣ не видимъ ихъ?

Свободны ли мы отъ вины,
 Кѣмъ были мы укрѣплены?
 Тобою побѣдили грѣхъ,
 Ты далъ намъ силу и успѣхъ!

И кто предъ Богомъ чистъ и правъ?
 Увы! грѣшимъ и не узнавъ!...
 О милосердые! О любовь!
 Ходатай намъ—Христова кровь!

Несемся по потоку дней,
 Все ближе къ вѣчности Твоей;
 Тобой сочтенъ нашъ каждый часъ:
 Послѣдній Ты сокрылъ отъ насъ.

Тебя мы молимъ, Царь вѣковъ:
 Да не страшить насъ зовъ гробовъ!
 И на судѣ насъ оправдай,
 И смертию насъ веди въ Свой рай!

Окончивъ скользскій путь земной,
 Твоей отеческой рукой
 Да будемъ, Боже, взяты мы
 Въ твой горній домъ изъ дола тьмы!
 Тамъ сумрака, тамъ ночи нѣтъ,
 Тамъ блещетъ неизмѣнный свѣтъ:
 О Солнце правды! намъ Твой лучъ
 Да свѣтитъ средь житейскихъ тучъ!

XVI.

Т е р п ѣ н і е.

(Въ сборникѣ подь № 23).

Все кругомъ темно и душно,
 Твердь заволокло грозой...
 Сердце, Богу будь послушно!
 Онъ твой Богъ, Хранитель твой!
 Стрѣлы грома Онъ притупить,
 Солнце возведетъ на твердь;
 Стихнетъ буря, миръ наступитъ,
 Изнемогутъ страхъ и смерть.

Ты предалъ ли пепелъ милый
 Друга, свѣта дней твоихъ,
 Хладной тьмѣ нѣмой могилы:
 Будь безропотенъ и тихъ!
 Сѣятель посѣялъ сѣмя,
 Сѣмя взыйдетъ для жнеца:

Вамъ разлука лишь на время;
Въ домъ свидитесь Отца!

Возросли ли трудъ и нужды,
Истомилъ ли зной тебя:
Богу скорбные не чужды;
Богу сирыхъ ввѣрь себя!
Онъ и самая страданья
Посылаетъ въ благо намъ;
Знаетъ мѣру испытанья,
Внемлетъ вздохамъ и слезамъ.

На твою благую славу
Клеветали,—черный змѣй
Льетъ смертельную отраву,—
Брось унынье, не робѣй,
Спасу слѣдуй безъ боязни;
Не щадила жъ и Христа
Злоба буйной неприязни!
Посрамится клевета!

„Пусть бы врагъ... но мой гонитель
„Другомъ былъ души моей;
„Хлѣба, думъ моихъ дѣлитель,
„Сынъ мой, братъ мой—мнѣ злодѣй!“
Тяжко?—такъ! но все жъ слѣпому,
Все жъ безумному прости;
Съ вѣрой воззови къ Благому,
Шестуй по Его пути.

Кто, недугомъ пораженный,
Не поднимется съ одра,
Да не ропщетъ, дерзновенный!
Будь душа его бодря:
Благъ и святъ Непостижимый,
Святъ и благъ Его законъ;

Въ чадахъ Бога сынъ любимый
Тотъ, кого накажетъ Онъ.

Узникъ горестный,—терпѣнье!

Мракъ и ужасъ предъ Тобой;
Но не дремлетъ Провидѣнье,
Нѣтъ, не спитъ Создатель твой;
Не забылъ тебя Спаситель:
Здѣсь ли плѣнь твой разрѣшить,
Въ ту ли вознесетъ обитель,
Здѣсь ли, тамъ ли,—Онъ твой щитъ—

Здѣсь за теплымъ солнцемъ лѣта
Мракъ убійственной зимы;
Здѣсь огонь златаго свѣта
Гаснетъ средь внезапной тьмы;
Здѣсь то ведро, то ненастье,
То волненье, то покой:
Дымъ и вѣтеръ—мира счастье,
Все—на время подъ луной.

Не теряйте упованья:

Здѣсь начало—тамъ конецъ;
Тамъ—терпѣнью воздаянье,
За побѣду—тамъ вѣнецъ.
Такъ! за гробомъ—отдыхъ вѣчный:
Други, чѣмъ тяжелѣ намъ
Путь земной и скоротечный,
Тѣмъ вѣрнѣе къ небесамъ!

Потерпите Бога, братья!
Васъ, омытыхъ отъ грѣховъ,
Призоветъ въ Свои объятя
Онъ, Отецъ Своихъ сыновъ;
Потерпите день единый,

Потерпите малый часъ:
Свѣтъ безъ ночи, безъ кончины,
Вѣчность ожидаетъ васъ!

XVII.

Надежда.

(Въ сборникѣ подѣ № 8).

.
Горе тѣмъ, чье упованье—
Суета, и прахъ, и тлѣнь!
Не легко тому страданье;
Но и въ скорби тотъ блаженъ,
Кто надѣется на Бога,
Кто, смиривъ души раздоръ,
Къ свѣту горняго чертога
Возвышаетъ свѣтлый взоръ!..
.

XVIII.

Поминки.

(Въ сборникѣ подѣ № 17).

Помянемъ же родимыхъ,
Ушедшихъ въ міръ иной,
Возлюбленныхъ, незримыхъ,
Вкушающихъ покой!
Для нихъ ужъ нѣтъ печали,
Заботы нѣтъ для нихъ...
Мы только—мы отстали
Отъ спутниковъ своихъ.

Ахъ! съ нами не они ли,
 Среди надеждъ и сновъ,
 И радости дѣлили,
 И тягости трудовъ?
 Ихъ взоръ для насъ унылыхъ
 Податель былъ утѣхъ:
 Мы все въ объятяхъ милыхъ
 Вкушали—плачь и смѣхъ!

И вотъ—надъ ихъ гробами
 Стоимъ мы здѣсь одни:
 Ужъ нѣтъ любезныхъ съ нами!
 Увы! Ушли они!
 Что вѣкъ нашъ?—Сонъ! Мечтанье!
 Не все ли здѣсь на часъ?
 Что жъ вѣчное желанье
 Одно не гаснетъ въ насъ?

Найдемъ ли похищенныхъ?
 Ихъ погребли мы прахъ;
 Поищемъ незабвенныхъ
 Въ надоблачныхъ странахъ.
 Не тамъ ли совершенство?
 Не тамъ ли миръ и свѣтъ?

И царствуетъ блаженство,
 И слезъ и стоновъ нѣтъ?

О, Милосердый, Вѣчный!
 Да совершимъ съ Тобой
 Мгновенный, скоротечный,
 Но скользскій путь земной!
 Да узримъ надъ звѣздами
 Всѣхъ тѣхъ, которыхъ Ты
 Связалъ любовью съ нами
 Въ юдоли темноты!

Не смыла ли ихъ пятна
 Спасителява кровь?
 Во вѣки необъятна,
 Отецъ, Твоя любовь!
 Идемъ съ Твоею силой:
 Тяжелъ житейскій путь;
 Но съ ними за могилой
 Ты дашь намъ отдохнуть.

Еще мы не въ пустыни...
 Умолкъ не всѣхъ же гласъ...
 Не всѣ друзья понинѣ
 Определили насъ...
 Не огорчимъ ни словомъ,
 Ни взглядомъ остальныхъ:
 Ты, Боже, будь покровомъ
 И мертвыхъ, и живыхъ!

И мы закроемъ очи
 Въ опредѣленный срокъ...
 Но средь могильной ночи
 Зардѣется востокъ:
 Насъ встрѣтитъ взоръ любезный,
 Увидимъ ихъ въ лучахъ,
 И ужъ разлуки слезной
 Не будетъ въ небесахъ.

Тоскуемъ мы и страждемъ...
 Безсмертія водой,
 Водой, которой жаждемъ,
 Создатель, насъ напой!
 Владыка, Вождь, Хранитель!
 Не дай споткнуться намъ!
 Да ввидемъ въ ту обитель,
 Да будемъ чисты тамъ!

XIX.

Безсмертіе

(Въ сборникѣ подь № 60).

Видалъ ли ты, какъ вѣтеръ предъ собою
 По небу гонить стадо легкихъ тучъ?
 Одна несется быстро за другою,
 На мигъ прерветъ златаго солнца лучъ--
 Покроетъ поле мимолетной тѣнью,
 За тѣнью тѣнь найдетъ на горы вдругъ,
 Вдругъ нѣтъ ея, все вновь свѣтло вокругъ,
 И солнце вновь, послушное велѣнью
 Создателя, надъ облачной грядой
 Парить, на землю жаръ свой благодатный
 Льетъ съ высоты лазури необъятной
 И, блеща, продолжаетъ подвигъ свой.
 За племенемъ такъ точно мчится племя
 И жизнь за жизнью и за вѣкомъ вѣкъ:
 Не тѣнь ли таже гордый человѣкъ?
 Людей съ лица земли стираетъ время,
 Вотъ, какъ ладонь бы стерла со стекла
 Паръ отъ дыханья; годы ихъ дѣла
 Уносятъ, какъ струя тотъ слѣдъ уносить,
 Который рябитъ воду, если бросить
 Дитя, рѣзвась, съ размаху всей руки
 Скользящій, гладкій камень въ токъ рѣки.

Взгляни: стоитъ хозяйка молодая—
 И вотъ, любимцевъ съ кровель созывая,
 Имъ сыплетъ щедрой горстью кормъ она;
 На зовъ ея, на дождь златой пшена,

Подъемятся, другъ друга упреждая,
 Спѣшать—и вмигъ къ владычицѣ своей
 Зеленыхъ, бѣлыхъ, сизыхъ голубей
 Слетается воркующая стая...

Подобно имъ, мечты слетаютъ въ умъ,
 Подобно имъ, тѣлятся въ немъ картины,
 Когда склоню пугливый слухъ на шумъ
 Огромныхъ крыльевъ ангела кончины.

Въ душѣ моей всплываетъ образъ тѣхъ,
 Которыхъ я любилъ, къ которымъ нынѣ
 Ужъ не дойдетъ ни скорбь моя, ни смѣхъ:
 Они сокрылись—я одинъ въ пустынѣ.
 И вдругъ мою печаль смѣняетъ страхъ:
 Вступаетъ въ мозгъ костей студеный трепеть;
 Дрожащихъ устъ невнятный, слабый лепеть
 Едва промолвить можетъ: „тотъ же прахъ,
 Такой же гость, ничтожный и мгновенный
 За трапезой земного бытія,
 Такой же червь, какъ всѣ окрестъ, и я.
 Часы несутся; вскорѣ во вселенной
 Не обрѣтутъ и слѣда моего;
 И я исчезну въ лонѣ ничего,
 Изъ коего, для бѣды и на ислѣнье,
 Я вызванъ рокомъ на одно мгновенье“.
 Увы! единой вѣрѣ власть дана
 Въ виду глухого, гробового сна
 Вспокоить, укрѣпить, утѣшить душу:
 Блаженъ, чей вождь въ селенье звѣздъ она!
 „Нѣтъ! Своего подобья не разрушу“—
 Такъ страху нашихъ трепетныхъ сердець
 Ея устами говоритъ Творецъ:
 „Потухнуть солнца; сонмы рати звѣздной,

Какъ листья съ древа, такъ падуть съ небесь,—
 И бѣгъ прервется міровыхъ колесъ;
 Земля поглотится, какъ капля, бездною,
 И будто риза, обветшаетъ твердь.
 Но мысль — Мой образъ: или ей, нетлѣнной,
 Млѣть и дрожать?—Ей что такое смерть?
 Надъ пепломъ догорающей вселенной,
 Надъ прахомъ всѣхъ распавшихся міровъ
 Она полетъ направить дерзновенный
 Въ Мой домъ, въ страну родимыхъ ей духовъ!“

Безсмертья свѣтлаго наслѣдникъ, я ли
 Пребуду сердцемъ прилѣпленъ къ землѣ:
 Къ ея обманамъ, призракамъ и мглѣ,
 Къ утѣхамъ лживымъ, къ суетной печали
 И къ той ничтожной суетной мечтѣ,
 Напитанной убійственной отравой,
 Которую въ безумной слѣпотѣ
 Мы называемъ счастиемъ и славой?

Смѣжу ли очи я, когда прозрѣлъ?
 Надеждъ, моихъ желаній всѣхъ предѣлъ—
 Уже ль и нынѣ только то, что можетъ
 Мнѣ дать юдолю страданья и суеты?
 Или души плѣненной не тревожить
 Тоска по томъ, чего подъ солнцемъ нѣтъ?

XX.

Блаженство.

(Въ сборникѣ подъ № 16).

По краткомъ срокѣ испытанья
 Безсмертье ожидаетъ насъ:

Тогда поглотить всѣ стенанья
 Исполненный восторга гласъ;
 Мы здѣсь обречены трудамъ—
 Тамъ наше воздаянье—тамъ!

Тамъ!... Уже и здѣсь часы блаженства
 Даются чистому душой;
 Но на землѣ нѣтъ совершенства,
 Непрочень и сердце покой:
 Быль человѣкомъ человѣкъ—
 И человѣкомъ будетъ вѣкъ.

То міръ съ своими суетами,
 То врагъ, который въ насъ самихъ
 И рѣдко побуждаемъ нами,
 То преткновенье отъ другихъ,
 То немощь, то соблазнъ утѣхъ
 Ввергаютъ насъ въ печаль и грѣхъ.

Здѣсь часто добродѣтель страдаетъ,
 Порокъ во славу облеченъ;
 Сгубить счастливица злоба жаждетъ,
 А кто несчастливъ,—тотъ забвенъ;
 Здѣсь смертный не бываетъ чуждъ
 Ни слезъ, ни слабостей, ни нуждъ.

Здѣсь лишь ищю, но *тамъ* найду я;
 Я весь преобразую тамъ:
 Тамъ узрю Бога, торжествуя,
 Предамся пѣснямъ и хваламъ!
 Изъ вѣка въ вѣкъ и безъ конца,
 Прославлю тамъ любви Отца!
 Моей Его святую волю,
 Моимъ блаженствомъ буду звать,
 И въ неотъемленную долю
 Онъ дастъ мнѣ свѣтъ и благодать;

Съ ступени възду на ступень,
Незаходимый встрѣчу день...

И мнѣ тотъ день откроетъ ясно
Все то, что темно на землѣ;
Премудро, свѣтло и прекрасно
Тамъ явится, что здѣсь во мглѣ;
Съ благоговѣньемъ преклонясь,
Судебъ постигну цѣль и связь.

Къ престолу Господа проникну—
Туда, гдѣ онъ не покровенъ.
„Святъ, святъ Господь мой, святъ!“ воскликну,
Его сіяньемъ озаренъ...

И рать духовъ тогда со мной
Все небо огласить хвалою.

Средь ангеловъ—имъ равенъ буду
И буду чистъ, подобно имъ,
И грѣхъ, и скорбь земли забуду,
И приобщусь, благой, къ благимъ:
Возрадуюсь ихъ части я
И будетъ часть ихъ—часть моя!

О, радость паче словъ и мѣры!
Тамъ и Того увижу вновь,
Кто подалъ мнѣ свѣтильникъ вѣры,
Платилъ любовью за любовь,—
И прежде чѣмъ съ земли исчезъ,
Мнѣ указалъ страну небесъ.

О еслибъ, встрѣтившись со мною,
И мнѣ промолвилъ кто въ раю:
„Мой братъ, не я ль спасенъ тобою?
„Ты жизнь, ты душу спасъ мою“!
Неизреченно тотъ блаженъ,
Кѣмъ погибавшій братъ спасенъ!

За мной мгновенной жизни горе
 Какъ дымъ, исчезнетъ въ оный день,
 Какъ капля въ безпредѣльномъ морѣ,
 Какъ отъ лучей ночная тѣнь,
 Какъ сотворенный сномъ призракъ
 Когда предъ солнцемъ таетъ мракъ.

Этихъ стихотвореній В. К. Кюхельбекера вполне достаточно для той цѣли, съ какою онѣ здѣсь приведены. Однако нельзя не пожалѣть, что еще 118 столь же прекрасныхъ и глубоко проникнутыхъ религиознымъ воодушевленіемъ стихотвореній злосчастнаго поэта остаются почти неизвѣстными русскому обществу. Будемъ надѣяться, что и онѣ не останутся подъ спудомъ навсегда, что и онѣ появятся когда либо на свѣтъ Божій.

В. К. Кюхельбекеръ былъ другомъ Пушкина,—и однако же дрался съ нимъ на дуэли. Пушкинъ любилъ поднимать его на смѣхъ въ веселомъ кругу собутельниковъ и иногда подшучивалъ надъ нимъ жестоко и безсердечно. Извѣстно, между прочимъ, четверостишіе Пушкина:

„За ужиномъ объѣлся я,
 Да Яковъ заперъ дверь оплошно—
 Такъ было мнѣ, мои друзья,
 И *кюхельбекерно* и тошно“.

Пушкинъ неодобрительно отзывался и о стихотвореніяхъ Кюхельбекера, находя въ нихъ много *сла-*

вянизмозъ. Но если принять во вниманіе, что Кюхельбекеръ писалъ болѣе 70 лѣтъ тому назадъ, то едва ли можно назвать безпристрастнымъ сужденіе Пушкина объ его языкѣ. Впрочемъ „Пѣсней отшельника“, написанныхъ уже послѣ 14-го декабря 1826 года въ одиночномъ заключеніи динабургскаго каземата, Пушкинъ не зналъ и его отзывъ относится къ стихотвореніямъ Кюхельбекера, писаннымъ раньше роковыхъ декабрьскихъ событій. „Пѣсни отшельника“ зналъ Жуковскій,—и онъ былъ о нихъ высокаго мнѣнія. Какъ извѣстно, цѣня талантъ Кюхельбекера, Жуковскій даже покровительствовалъ ему, хотя и безъ успѣха...

Насъ, впрочемъ, не интересуеетъ въ настоящей разъ ни языкъ, ни поэтическое дарованіе Кюхельбекера; мы обращаемъ вниманіе читателя лишь на то истинно-христіанское настроеніе, на тѣ чистыя религіозныя чувства, на ту живую вѣру въ Бога, „Отца своихъ сыновъ“, на преданность Ему и Его промышленію о человѣкѣ, на то христіанское міровоззрѣніе, надежды и чаянія, на ту увѣренность въ личномъ безсмертіи, которыми проникнуты всѣ стихотворенія Кюхельбекера, написанныя имъ въ минуты тяжелыхъ испытаній и скорбей. Ничего подобнаго мы не найдемъ у Кюхельбекера въ ранній періодъ его литературной дѣятельности, когда онъ писалъ только „Гимнъ Аполлону“, „Къ Прометею“, „Гимнъ Бахусу“, „Олимпійскія игры“ и т. п. Ясно, что мрачная тем-

ница для него была источникомъ духовнаго свѣта. Это онъ и самъ сознавалъ весьма ясно и нерѣдко указывалъ даже въ своихъ стихотвореніяхъ. Такъ въ одномъ прекрасномъ стихотвореніи — „Моей матери“ (оно у насъ не приведено) онъ, между прочимъ, пишетъ:

„Я на землѣ, въ тюрьмѣ я только тѣломъ,
 „Но духъ въ полетѣ радостномъ и смѣломъ
 „Горѣ несется за предѣлъ земной“.

А въ стихотвореніи „Брату“ (у насъ оно также не приведено) онъ прямо называетъ свои „годы заточенья“ — „подателями молитвъ и вдохновенья“. Въ своей „Молитвѣ узника“ онъ ясно говоритъ, что темница для него была горниломъ очищенья и мѣстомъ нравственнаго обновленія и потому благодаритъ Бога за то, что онъ „воскресъ изъ узъ заточенья чистъ и угодеиъ Господнимъ очамъ“. Высоко цѣня нравственное значеніе своихъ скорбей и страданій, Кюхельбекеръ даже такъ полюбилъ ихъ, что сожалѣлъ о нихъ, когда ему была дарована свобода и онъ долженъ былъ оставить свою мрачную тюрьму. Такъ въ своемъ стихотвореніи „Брату“ (въ сборникѣ подъ № 69; у насъ оно не приведено) онъ пишетъ:

Мпнули же и годы заточенья,
 А думалъ я: конца не будетъ имъ!
 Податели молитвъ и вдохновенья,
 Они парили надъ челомъ моимъ
 И были ихъ отзвывы—пѣснопѣнья!
 И что жъ? обуреваемъ и томимъ

Мятежной грустію, слѣпецъ безумный,
Я рвался въ міръ и суетный и шумный.

Не для его я созданъ: только шагъ
Ступить успѣлъ я за *священный* прагъ
Пріюта тихихъ думъ—и ужъ во власти
Глухихъ заботъ, и закипѣли страсти,
И духъ земли, непримиримый врагъ
Небеснаго, раздралъ меня на части:
Затрепетали свѣтлыя мечты
И скрылися предъ княземъ темноты.

Мнѣ тяжела, горька мнѣ ихъ утрата:
Душа ужъ съ ними свыклась, жизнь срослась“...

И такъ, вотъ какое благотворное вліяніе въ дѣлѣ
религіозно-нравственнаго возрожденія имѣло на ли-
беральнаго нѣкогда и легкомысленнаго Кюхельбекера
его одиночное темничное заключеніе! Но перейдемъ
къ другимъ его злосчастливымъ товарищамъ—декабри-
стамъ.

II.

А. И. Одоевскій, москвичъ по рожденію, получилъ
домашнее воспитаніе, законченное имъ въ Парижѣ.
Онъ былъ человѣкомъ добрымъ, благороднымъ, отзыв-
чивымъ, по своей природѣ. Лермонтовъ справедливо
говорить о немъ:

„Онъ былъ рожденъ для нихъ, для тѣхъ надеждъ,
„Поэзіи и счастья... Но, безумный—
„Изъ дѣтскихъ рано вырвался одеждъ
„И сердце бросилъ въ море жизни шумной“.

Лже-либеральныя идеи Франціи, въ то время еще не забывшей вольномыслия Вольтера, социалистическія стремленія запада, увлеченіе философскимъ міровоззрѣніемъ Шеллинга въ первый атеистическій періодъ его развитія, наконецъ, могучее вліяніе Байрона, отъ котораго не былъ свободенъ даже и Пушкинъ,— все это положило свою печать на воззрѣніяхъ и настроеніи Одоевского. Ученіе Христа онъ зналъ мало; къ высшимъ вопросамъ человѣческаго бытія относился легкомысленно; на ученіе Православной Церкви смотрѣлъ презрительно и свысока. Неудивительно послѣ этого, что Рылѣевъ легко могъ завлечь его въ число членовъ сѣвернаго тайнаго общества. За участіе въ прискорбныхъ событіяхъ 14 декабря 1826 года, въ качествѣ дѣятельнаго повстанца, Одоевскій былъ арестованъ и приговоромъ верховнаго уголовного суда былъ присужденъ къ лишенію чиновъ, княжескаго достоинства и ссылкѣ въ каторжную работу на 12 лѣтъ. Впрочемъ, вскорѣ именно 22 августа 1826 года, срокъ каторжныхъ работъ былъ уменьшенъ Одоевскому съ 12 на 8 лѣтъ, а 8 ноября 1832 года Одоевскій былъ вовсе освобожденъ отъ каторги и сосланъ на поселеніе на 5 лѣтъ. Такимъ образомъ онъ пробылъ въ Сибири 11-ть лѣтъ. За это время въ его душѣ и произошелъ радикальный нравственный переворотъ. Углубившись въ самого себя, подвергнувъ разумной и безпристрастной критикѣ свои прежнія увлеченія атеистическими и

соціалістическими воззрѣніями, Одоевскій легко увидѣлъ ихъ ложь и безосновательность. Но душа не терпитъ пустоты, какъ и природа. Для ея жизни такъ же нужна пища, какъ и для тѣла. Такое удовлетвореніе настойчивымъ потребностямъ своего духа Одоевскій нашель тамъ, гдѣ раньше онъ даже и не хотѣлъ искать—въ ученіи Христа и христіанствѣ. Теперь его удовлетворило только міровоззрѣніе, которое было основано на христіанскихъ началахъ. Но онъ не ограничился однимъ теоретическимъ изученіемъ христіанства; онъ рѣшился осуществить его и въ своей жизни. Уничтожить въ себѣ всякія эгоистическія побужденія и жить только для другихъ во имя заповѣди Христовой о любви къ ближнимъ,—вотъ къ чему стремился Одоевскій какъ во время своего пребывания въ Сибири, такъ и во время своей послѣдующей жизни на Кавказѣ, когда Высочайшимъ приказомъ отъ 7-го ноября 1837 года онъ былъ переведенъ рядовымъ въ нижегородскій драгунскій полкъ, стоявшій тогда въ урочищѣ Кара-Агачъ, близъ Царскихъ Колодець, въ ста верстахъ отъ Тифлиса. Здѣсь Одоевскій успѣлъ заслужить положительно любовь всѣхъ—отъ полкового командира до послѣдняго рядового. Многіе называли его не иначе, какъ „Хриstopодобнымъ“ ¹⁾. Вотъ что пишетъ о немъ Огаревъ въ своей статьѣ „Кавказскія воды“, помѣщенной въ „Полярной Звѣздѣ“ 1861 г. кн. VI, стр. 338 (изда-

¹⁾ Срв. Энциклоп. Словарь Брокгауза и Эфрона.

ніе заграничне): „Одоевскій былъ, безъ сомнѣнія, самый замѣчательный изъ декабристовъ, бывшихъ въ то время на Кавказѣ... Въ его глазахъ выражалось спокойствіе духа, скорбь не о своихъ страданіяхъ, а о страданіяхъ человѣка, въ нихъ выражалось милосердіе. Можетъ быть, эта сторона, самая поэтическая сторона христіанства, всего болѣе увлекла Одоевскаго. Онъ весь принадлежалъ къ числу личностей *христонподобныхъ*. Онъ носилъ свою солдатскую шинель съ тѣмъ же спокойствіемъ, съ какимъ выносилъ каторгу и Сибирь: съ той же любовью къ товарищамъ, съ той же преданностію къ истинѣ, съ тѣмъ же равнодушіемъ къ своему страданію. Можетъ быть, онъ даже любилъ свое страданіе; это совершенно въ христіанскомъ духѣ... Отрицаніе самолюбія Одоевскій развилъ въ себѣ до крайности“. Къ этому свидѣтельству о христіанскомъ настроеніи Одоевскаго можно относиться тѣмъ съ большимъ довѣріемъ, что оно принадлежитъ Огареву, въ то время уже увлекавшемуся революціонными стремленіями и крайне враждебно относившемуся къ Православной русской церкви. Съ этой точки зрѣнія нужно судить и о той оцѣнкѣ христіанскаго міровоззрѣнія Одоевскаго, которую Огаревъ дѣлаетъ ниже. „Былъ ли Одоевскій католикъ или православный,—говоритъ онъ,—я не знаю. Припоминая время, въ два десятка лѣтъ уже такъ много поблѣднѣвшее въ памяти, мнѣ кажется, я долженъ придти къ отрицанію того и другого. Онъ былъ про-

сто христіанинъ, философъ или, скорѣе, поэтъ христіанской мысли, внѣ всякой церкви. Онъ въ христіанствѣ искалъ не церковнаго единства, какъ Чаадаевъ, а исключительно самоотреченія, чувства преданности и забвенія своей личности.... Но отъ этого самаго онъ не могъ быть и православнымъ; церковный формализмъ былъ ему чуждымъ. Вообще церковь была ему не нужна; ему только нужно было подчинить себя идеалу человѣческой чистоты, которая для него осуществилась въ Христѣ.... мечты, которой никогда онъ не вѣрялъ заботамъ дружбы пѣжной... то есть, мечты какого-нибудь личнаго счастья онъ не вѣрялъ, потому что ея у него не было. Его мечта была только самоотверженіе. *Ссылка привязала его къ религіозному самоотверженію*“. Въ этомъ свидѣтельствѣ Огарева для насъ важно въ особенности указаніе на то, что именно ссылка заставила Одоевскаго быть *религіознымъ* человѣкомъ. Но дѣйствительно ли онъ былъ послѣ ссылки христіаниномъ внѣ христіанской церкви?—Прямо отвѣтить на этотъ вопросъ на основаніи собственныхъ словъ Одоевскаго затруднительно. Одоевскій несомнѣнно обладалъ рѣдкимъ поэтическимъ дарованіемъ. Такъ говорятъ всѣ, близко и лично знавшіе его. Но, какъ рассказываетъ, напримѣръ, и Огаревъ, „онъ никогда не только не печаталъ, но и не записывалъ своихъ многочисленныхъ стихотвореній, не полагая въ нихъ ни какого общаго значенія. Онъ сочинялъ ихъ наизусть и читалъ наи-

зустъ людямъ близкимъ“. Всѣхъ и цензурныхъ, и не цензурныхъ (напечатанныхъ въ заграничныхъ изданіяхъ) его стихотвореній извѣстно только 17. Но и эти стихотворенія носятъ на себѣ такой частный и исключительный характеръ, что автору трудно было даже найти поводъ для обнаруженія своихъ релягіозныхъ убѣжденій. Впрочемъ, въ его стихотвореніи умершей „Матери“ онъ высказываетъ свою вѣру въ личное безсмертіе человѣка:

Тебя ужъ нѣтъ, но я тобою
 Еще дышу;
 Туда, въ лазурь, я за тобою
 Спѣшу, спѣшу...

 Туда, гдѣ вѣчною зарею
 Горитъ любовь...

Въ стихотвореніи Одоевского „Къ отцу“ можно находить основаніе для утвержденія, что онъ былъ христіаниномъ не внѣ церкви, а въ церкви. Здѣсь онъ, между прочимъ, пишетъ такъ:

„Нѣтъ, не входитъ мнѣ въ отчій домъ,
 „И не молиться мнѣ съ отцомъ
 „*Передъ домашнею иконой!*“

Молитву передъ иконой знаетъ только церковь.

Нельзя не отмѣтить и того, что и во всѣхъ остальныхъ стихотвореніяхъ, какъ только рѣчь заходитъ о русскомъ народѣ, Одоевскій всегда называетъ его *православнымъ*. Католикъ такъ не сталъ бы говорить.

Наконецъ, въ пользу того мнѣнія, что Одоевскій былъ не христіанскимъ только поэтомъ или философомъ послѣ своей ссылки, а именно православнымъ христіаниномъ, ясно говоритъ и то обстоятельство, что предчувствуя свою кончину (что съ чахоточными бываетъ часто), онъ самъ пригласилъ къ себѣ православнаго полковаго священника о. Василя Яковлева, съ глубокимъ сокрушеніемъ и раскаяніемъ въ своихъ грѣхахъ исповѣдывался, затѣмъ благоговѣнно приобщился Св. Таинъ и черезъ два часа послѣ этого тихо скончался 10-го октября 1839 года. Огаревъ чрезъ двадцать лѣтъ или забылъ объ этомъ или просто не захотѣлъ вспомнить, чѣмъ и объясняется его оговорка: „былъ ли Одоевскій католикъ или православный.—не знаю... за двадцать лѣтъ такъ много поблѣднѣло въ памяти“...

III.

Г. С. *Батеньковъ*—другъ Сперанскаго, а потомъ сослуживецъ Аракчеева, воспитанникъ 2-го кадетскаго корпуса, во время похода во Францію въ 1814 году приобрѣлъ себѣ славу храбраго офицера. Но потомъ онъ оставилъ военную службу и, какъ хорошій математикъ, перешелъ въ вѣдомство путей сообщенія. Здѣсь онъ прославился какъ человѣкъ умный, знающій, дѣловой, но крайне безпокойный и неуживчивый. За участіе въ заговорѣ декабристовъ онъ былъ приговоренъ судомъ къ вѣчной каторжной

работѣ. Но въ дѣйствительности онъ просидѣлъ два года въ крѣпости Шварцгольмѣ, 18 лѣтъ въ казематѣ Петропавловской крѣпости, изъ которой его освободили въ 1846 году и отправили на жительство въ Томскую губернію. Въ 1856 году Императоромъ Александромъ II онъ былъ прощенъ вмѣстѣ со всѣми другими декабристами и поселился въ Калугѣ.

До своего ареста Батеньковъ меньше всего могъ считаться человѣкомъ религіознымъ; онъ слишкомъ былъ занятъ дѣлами аракчеевскихъ военныхъ поселеній и составленіемъ (при Сперанскомъ) самаго строгаго *Устава о ссыльныхъ*, чтобы онъ могъ располагать свободнымъ временемъ для размышленія о смыслѣ жизни человѣческой, о Богѣ, о безсмертіи. Инымъ становится Батеньковъ въ Шварцгольмѣ и Петропавловской крѣпости. Да, это былъ поистинѣ какъ бы какой-то другой Батеньковъ, а не тотъ, который прежде не хотѣлъ „ни чиновъ, ни крестовъ, а только одного хорошаго содержанія (10,000 рублей въ годъ) и получая это хорошее содержаніе отъ русскаго правительства, пошелъ однако же въ слѣдъ за Рылѣвымъ и потомъ былъ обвиненъ „въ законопротивныхъ замыслахъ, въ знаніи умысла на царевубійство и въ приготовленіи товарищей къ мятежу сочиненіями и совѣтами“. Въ Шварцгольмѣ и Петропавловской крѣпости сидѣлъ Батеньковъ, всецѣло погруженный въ себя и свою душу, искренно вѣрующій въ бытіе личнаго любящаго и промышляю-

цаго Бога, безпредѣльно преданный Ему, надѣющійся на Него и любящій даже непосылаемая Имъ испытанія, безропотно страждущій, безотвѣтно терпящій и созерцающій въ вѣчности послѣднюю цѣль своего скорбнаго, земного бытія. И такимъ Батеньковъ остался навсегда. „Не—декабристъ“, между прочимъ, говоритъ объ немъ въ своихъ „Запискахъ“ слѣдующее: „Онъ сохранилъ свой умъ прямой и твердый, но сдѣлался тише и молчаливѣе; о несчастіи своемъ говоритъ скромно и великодушно, и ни на кого не жаловался, *видя во всемъ неисповѣдимую волю Божию*“.

Изъ стихотвореній Батенькова намъ извѣстно только одно—„*Одичалый*“, которое было написано имъ въ маѣ 1827 года въ Шварцгольмской крѣпости (въ Финляндіи). Въ этомъ стихотвореніи ясно проглядываетъ повсюду глубокое религіозно-христіанское настроеніе автора. Оно начинается такъ:

„Я прежде говорилъ: „прости!“
 Въ надеждѣ радостныхъ свиданій!
 Мечты вилися на пути
 И съ ними рядъ воздушныхъ зданій.
 Тамъ другъ привѣтливый манилъ,
 Туда звала семья родная.
 Изъ полной чаши радость пилъ,
 Надежды свѣтлыя питая.
 Теперь „прости“ всему на вѣкъ!
 Зачѣмъ живу безъ наслажденій?
 Ужель еще я человекъ?
 Нѣтъ!... да!—для чувства лишь мученій!

Во мнѣ ли оттискъ Божества?
 Я ль созданъ міра господиномъ?
 Создатель благъ. Ужель ихъ два?
 Могу-ль Егс назваться сыномъ“?

Затѣмъ изобразивъ яркими красками всѣ страданія и скорби свои въ одиночномъ заключеніи и представляя, что многіе назовутъ его злодѣемъ даже и послѣ его смерти, Батеньковъ старается найти для себя утѣшенье въ образѣ любящаго и страждущаго Христа.

„Нѣтъ! не напрасно данъ завѣтъ,
 Дано святое наставленье,
 Что Богъ—любовь; и вамъ любить
 Единный къ благу путь указанъ...
 И Тотъ, Кто васъ училъ такъ жить,
 Самъ былъ гонимъ, Самъ былъ наказанъ“...

Но какая цѣль здѣсь на землѣ для того, кто осужденъ на вѣчную каторгу, на вѣчныя страданья и скорби? Жизнь человѣка, очевидно, осталась бы навсегда непонятною загадкою, если бы слово живаго и вѣчнаго Бога не указало намъ еще на иную лучшую и безконечную жизнь. Здѣсь-то и узникъ, отдѣленный навсегда отъ міра и людей, не знающій,—

. свѣтитъ ли луна?
 И есть ли птички хоть на волѣ?
 Имъ дышутъ ли зефиры въ полѣ?
 По старому ль цвѣтетъ весна?

находить для себя послѣднее и наилучшее утѣшеніе. Вотъ почему и Батеньковъ пишетъ:

Пусть такъ! Забытый и гонимый,
 Я сохраню въ груди своей
 Любви запасъ неистощимый
 Для жизни новой, послѣ сей!
 Безсмертіе! въ тебѣ одномъ
 Одна несчастному отрада:
 Покой—въ забвеньи гробовомъ,
 Во упованіи—награда“.

IV.

О жизни и вѣрованіяхъ А. А. *Бестужева* до 14-го декабря 1826 года мы знаемъ очень мало. Мы знаемъ только, что онъ обучался въ горномъ кадетскомъ корпусѣ, затѣмъ былъ адъютантомъ главноуправляющаго путями сообщенія генерала Бетанкура, влюбился въ его дочь, но, получивъ отказъ въ согласіи отца на бракъ, онъ бросилъ службу и былъ завербованъ Рылѣвымъ въ члены сѣвернаго тайнаго общества. Онъ былъ человѣкомъ въ высшей степени самолюбивымъ и честолюбивымъ. На сенатской площади въ день 14 декабря 1826 года онъ былъ, по свидѣтельству современниковъ, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Идя впереди увлеченнаго имъ батальона и размахивая саблею, онъ кричалъ: „Ура, Константинъ! долой Николая! Извести картофельницу!“ Уже изъ сказаннаго видно, что Бестужевъ, употребившій столь пре-

ступныя и противныя ученію Христа средства для достиженія своихъ цѣлей, не отличался ни религіозностію христіанскою, ни преданностію Православной Церкви. Онъ не былъ сосланъ въ каторжныя работы, но его отпразднили только на поселеніе въ Якутскъ, а въ іюнѣ 1829 года онъ былъ переведенъ рядовымъ солдатомъ въ кавказскій корпусъ.—Въ нашемъ распоряженіи находятся два стихотворенія его отъ этого второго періода его жизни: одно написано имъ въ Шварцгольмской крѣпости (въ Финляндіи), гдѣ его продержали около года, до ссылки въ Якутскъ, другое—въ Сибири. До 1863 года эти стихотворенія Бестужева нигдѣ не были напечатаны; въ 1863 году они были напечатаны въ Лейпцигѣ вмѣстѣ съ другими въ „Собраніи стихотвореній декабристовъ“ (Bibliothek russischer Autoren. Band II). Судя по этимъ стихотвореніямъ, и въ душѣ Бестужева произошелъ большой религіозно-нравственный переломъ его убѣжденій. Молитва, вѣра въ милосердіе Божіе, сознаніе своихъ тяжкихъ грѣховъ и сожалѣніе объ нихъ, подавленіе въ себѣ эгоистическихъ побужденій и надежда на вѣчную будущую жизнь,—вотъ въ чемъ теперь Бестужевъ находилъ для себя утѣшеніе. Приводимъ здѣсь оба стихотворенія его.

Утренняя пѣснь.

Твой первый долгъ—благодаренье
Къ Творцу!—душа вспорхнула вновь...

Господь твое услышитъ пѣнье:
 Воспой Ему хвалу, любовь!
 Въ своей охранѣ, слабосильный,
 Я легъ—и тихо, мирно спалъ;
 Кто жъ благодатью столь обильной
 Меня хранилъ, мнѣ сонъ послалъ?
 Се Ты—Господь, Владыка свѣта!
 Тобой мы движемся, есмы...
 Се ты, по благости совѣта,
 Меня возставилъ вновь изъ тьмы!
 Хвала святому Провидѣнью!
 Хвала Тебѣ, Господь, Богъ силъ,
 Что мнѣ еще день къ наслажденью
 По тихой нощи присудилъ!
 Пошли Твое благословенье,
 Подаждь мнѣ путь Твой совершить,
 И Самъ мнѣ даруй наставленье
 Тебѣ угодное творить!
 Ты будь и впредь мой Богъ—хранитель,
 Надежда вся моя, Творецъ!
 Будь мнѣ въ напасти покровитель
 И къ слабостямъ моимъ отецъ!
 Подай мнѣ сердце непорочно,
 Исполненно любви къ другимъ,
 Чтобъ ревностно, всегда и точно
 Къ дѣламъ стремился благимъ!
 Чтобъ я, какъ сынъ благословенный,
 Къ добру питалъ и правдѣ страсть,
 А не страстями ослѣпленный,
 Порокамъ отдался во власть.
 Чтобъ трудности не опасался
 Я въ нуждѣ ближнимъ помогать,
 Ихъ мирнымъ счастьемъ восхищался,

Умѣлъ сердцецъ ихъ цѣну звать.
 Чтобъ благо жизни скоротечной
 Я съ благодарностью вкусилъ,
 И съ духомъ радостнымъ въ путь вѣчный
 По манью Твоему вступилъ!

Швартгольмъ
 29 Января 1827 года.

II.

Прокаженный.

Дума.

Народъ зоветъ его безумнымъ, прокаженнымъ;
 Но умъ его покрытъ таинственною мглой:
 Въ немъ старецъ опытный съ младенцемъ откровеннымъ
 Граничатъ въ жизни межъ собой.

Въ издранномъ рубищѣ, какъ труженикъ убогій,
 Я зрѣлъ, какъ онъ спѣшилъ къ играющимъ птенцамъ,
 Какъ мрачно онъ взиралъ на пышные чертоги
 И радостно на Божій храмъ.

Онъ взоры отвращалъ, встрѣчаяся съ преступнымъ,
 Какъ будто бѣ мысль его мгновенно онъ проникъ;
 И челоуѣчеству казался недоступнымъ
 Его двусмысленный языкъ.

На страждущую чернь, чего-то содрагаясь,
 Съ тупымъ вниманіемъ какъ часто онъ глядѣлъ!
 На хартію судебъ какъ будто опираясь,
 Онъ что-то высказать хотѣлъ.

Съ молитвою въ устахъ, въ движеняхъ изступленныхъ,
 Для нищей братіи онъ милостынъ молилъ,
 И страждущихъ сиротъ и вдовъ изнеможенныхъ
 Рукой изсохшею крестилъ.

И твердый, какъ скала противъ ударовъ грома,
 Безропотно носилъ страдальческій вѣнецъ;
 Скитаясь по свѣту безъ кровныхъ и безъ дома,
 Казалось, былъ живой мертвецъ.

Я самъ внималъ ему, когда онъ безъ боязни
 Злодѣю сильному паденье предрекалъ;
 Я зрѣлъ его, какъ онъ на страшномъ мѣстѣ казни
 За осужденнаго страдалъ.

Какъ жадно онъ внималъ напѣвамъ погребальнымъ
 И смерть благословлялъ, какъ грань земной борьбы
 Объятыя простиралъ къ развалинамъ печальнымъ,
 Онъ самъ—развалина судьбы.

Таинственный глаголь, чувствъ праведныхъ избытокъ,
 Какъ цѣпи узника, томили старика,
 И тщетно передъ нимъ развертывала свитокъ
 Время маститая рука.

Миръ праху твоему! Всевышняго избранникъ,
 Предвѣдѣній твоихъ никто не оцѣнитъ,
 Лишь я, молодой пѣвецъ, родной земли изгнанникъ,
 Твой подвигъ думаю почитать.

Въ этомъ „Прокаженномъ“, котораго такими симпатичными чертами изобразилъ въ своемъ стихотвореніи Бестужевъ, нельзя не видѣть тѣхъ по временамъ являющихся лицъ, которыхъ православный русскій народъ привыкъ называть словами: „блаженный“, „юродивый“, „Божій человекъ“, и къ которымъ онъ всегда питаетъ чувство особаго благоговѣнія и ува-

женія. Эти чувства были понятны и для Бестужева, какъ не скрылъ онъ здѣсь своего уваженія и къ „храму Божию“, и къ „молитвѣ въ устахъ“ и ко „Все-вышнему“, избранникомъ Котораго онъ называетъ своего „Прокаженнаго“.

Извѣстно намъ еще одно стихотвореніе Бестужева, написанное имъ въ 1828 году во время своего невольнаго пребыванія въ Якутскѣ. Оно было напечатано въ 1861 году въ „Библиографическихъ Запискахъ“, но въ Собраніе сочиненій А. А. Бестужева почему-то не внесено. Мы говоримъ о написанной Бестужевымъ надписи на могилѣ Михалевыхъ въ Якутскомъ монастырѣ. Оно состоитъ изъ 11 стиховъ,—и въ немъ авторъ ясно высказываетъ свою вѣру въ загробную жизнь, почему и заканчиваетъ его слѣдующими словами:

„Мы плачемъ; но вдали утѣшенный голосъ вѣетъ,
Подъ горестной слезой зерно спасенья зрѣетъ,
И всѣ мы свидимся въ объятіяхъ Творца“.

Самъ Бестужевъ былъ убитъ въ схваткѣ съ горцами на Кавказѣ, въ лѣсу, при занятіи мыса Адлеръ, 7-го іюня 1837 года.

V.

Въ селеніи Водяномъ харьковской губерніи доживалъ въ имѣніи брата свои послѣдніе дни бывшій декабристъ Николай Ивановичъ *Лореръ*. Мы лично знали этого человѣка. Это былъ по истинѣ монахъ

внѣ стѣнъ монастыря; это былъ христіанинъ, съ устъ котораго никогда не сходили слова молитвы и который отличался всегда искреннею преданностію волѣ Божіей. Онъ никогда не жаловался на свою судьбу, очень любилъ крестьянскихъ дѣтей и часто училъ ихъ молиться Богу. Внѣшняя природа приводила его въ восторгъ: лѣсная птичка надолго приковывала его вниманіе; заходящее солнце погружало его въ размышленіе. Но въ молодости онъ былъ совсѣмъ другимъ, особенно когда онъ служилъ офицеромъ въ Вятскомъ пѣхотномъ полку. Легкомысленный и живой, онъ предавался удовольствіямъ и особенно картежной игрѣ. Въ члены южнаго тайнаго общества онъ былъ увлеченъ извѣстнымъ полковникомъ Пестелемъ, бывшимъ душою этого общества. Лореръ за участіе въ заговорѣ декабристовъ былъ приговоренъ къ каторжной работѣ на 12 лѣтъ и былъ сосланъ въ перчинскіе рудники. Определенный рядовымъ въ Кавказскій корпусъ въ 1837 году, Лореръ здѣсь снова дослужился до офицерскаго чина и въ 1842 году вышелъ въ отставку. Изъ стихотвореній Лорера намъ извѣстно только одно „Наполеонъ“,—которое было дважды напечатано за-границей: одинъ разъ—въ лондонскомъ изданіи „Русская Потаенная Литература XIX столѣтія“ (отд. I. ч. I. стр. 266) и другой разъ—въ лейпцигскомъ изданіи „Библиотека русскихъ авторовъ“ (т. II, 1863 г., стр. 193—194). Само по себѣ стихотвореніе это

не имѣть особыхъ достоинствъ: личность Наполеона въ немъ идеализируется въ такой степени, что она совершенно утрачиваетъ свой историческій характеръ. *Для насъ* въ настоящемъ случаѣ оно представляетъ интересъ лишь въ томъ отношеніи, что свидѣтельствуетъ о вѣрѣ автора не только въ бытіе личнаго живого Бога, но и въ промысленіе Божіе о судьбахъ народовъ. Лореръ заставляетъ говорить Наполеона такъ:

„Моя соперница—Россія,
 Но побѣдитель мой—судьба...
 Я шель не по слѣдамъ Батяя,
 И не безсмысленна была моя борьба:
 Я движимъ былъ не погремушкой славы...
 Я видѣлъ пеплъ Москвы, но я не Геростратъ...
 Всѣцарства я бѣсложилъ въ итогъ одной державы...
 Я правъ передъ людьми, предъ Богомъ—виноватъ:
 Я не постигъ Его предназначенья,
 Но, ослѣпленъ успѣхомъ чудныхъ дѣлъ,
 Хотѣлъ переступить, въ пылу самозабвенья,
 Божественнымъ перстомъ начертанный предѣлъ“...

Такъ могъ говорить Лореръ, но не идолъ его—Наполеонъ.

VI.

Наконецъ, мы не можемъ пройти молчаніемъ и главнаго вожака злосчастныхъ декабристовъ—*Рылеева*. Онъ славился среди заговорщиковъ какъ самый отъявленный атеистъ. Онъ ненавидѣлъ Право-

славную русскую церковь. Онъ именно убѣждалъ своихъ соумышленниковъ въ своей революціонной пѣсни прежде всего перерѣзать „поповъ и святошъ“. Но остался ли Рылѣевъ такимъ до конца? Мы не имѣемъ основанія отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно. Скорѣе мы должны сказать: „нѣтъ!“ Рылѣевъ былъ казненъ; онъ не имѣлъ возможности, какъ другіе декабристы, во время продолжительной ссылки или каторжныхъ работъ обнаружить перемену своихъ убѣжденій въ самой своей жизни. Но и его непродолжительное одиночное заключеніе успѣло оказать на него свое благотворное вліяніе. Рассказываютъ объ извѣстныхъ европейскихъ атеистахъ, какъ они обнаруживали свою вѣру въ бытіе Божіе въ виду предстоявшихъ имъ тяжелыхъ испытаній и скорбей. Такъ, говорятъ, извѣстный безбожникъ *Вольней* во время караблекрушенія у береговъ Америки схватилъ четки и началъ читать *Pater noster* и *Ave Maria! Ванини*, рисовавшійся своимъ безбожіемъ, увидѣвъ однако же своего палача, воскликнулъ: „О Боже, Боже!“ Подобное произошло и съ Рылѣевымъ. За день до смерти, въ темномъ казематѣ Петропавловской крѣпости, онъ написалъ стихотвореніе, въ которомъ показалъ и свою вѣру въ бытіе Божіе, и свое раскаяніе въ задуманномъ преступленіи, и свою преданность волѣ Божіей и, наконецъ, свою надежду на Божественное Промышленіе о человѣкѣ. Вотъ это стихотвореніе.

0167459

64

Посланіе къ жень.

Ударить часть, часть смерти роковой
 И погрузить меня въ сонъ тяжкій, гробовой.
Виносную главу, безъ ропота, безъ страху,
 Съ однимъ *раскаяньемъ* твой другъ несетъ на плаху,
 Но грозной казни страхъ, позорной смерти стыдъ,
 Въ послѣдніе часы мнѣ душу тяготить.
 Съ зарею утренней моя свершится доля.
Да будетъ надо мной Небесъ святая воля!
 А ты, кто восемь лѣтъ счастливила меня,
 Кѣмъ въ жизни я позналъ всю сладость бытія,
 О, другъ мой, за любовь, за ласки, попеченья,
 Предсмертныя мои прими благодаренья!
 Пекись о дочери и передай ты ей
 Всѣ сладости любви и красоты твоей!
Въ печальномъ мірѣ семъ, идѣ радостей немного,
Я оставляю васъ подѣ кровѣ живого Бога:
Онъ будетъ вамъ одинъ надежный, вѣрный щитъ;
Онъ благостью Своей васъ, милыхъ, охранитъ.
 Мнѣ ваше счастье—послѣднее желанье...
 Но время!.. слышу зовъ... О, другъ мой! до свиданья!...

Закончимъ свое разсужденіе тою мыслию, которая
 предносилась намъ все время, когда мы изучали
 жизнь, стремленія, вѣрованія и убѣжденія декабри-
 стовъ: люди смотрятъ на казнь, тюремное заключеніе,
 ссылку и каторжныя работы только какъ на суровое
 наказаніе со стороны человѣческаго правосудія за тѣ
 или другія преступленія; но Промыслъ Божій нерѣд-
 ко и это наказаніе, какъ лѣкарство, обращаетъ во
 благо человѣка, для его нравственно-религіознаго оз-
 доровленія! Лѣкарство горькое!.. но иногда такого
 именно лѣкарства и требуетъ болѣзнь!...